

В июне 1941 года мой братик, Изаека Шульд, отдыхал в пионерском лагере от минской швейной фабрики "Октябрь", где с 1927 года по 1941 год работал наш папа Шульд Мейлах Борухович. Он был передовым рабочим — норматив и даже избирался делегатом на съезд стахановцев, который проходил в Витебске в 1930 году.

Папа во время съезда заболел сыпным тифом в очень тяжелой форме. И молоденькая жена, 20-летняя красавица Голда, оставив маленького первенца на руках хозяев дома, где они жили, дни и ночи сидела у постели больного мужа и отвоевала его у смерти.

Мама была родом из многодетной семьи Мирских. Жила в местечке Романово под Ковьем. Дед, Лейба Мирский, был рубщиком мяса. В семье было 4 дочки. Двое работали белошвейками, в том числе и моя мама.

Учились они недолго, закончили по 4 класса хедера. Зиму обычно коротали на печи, потому что не было во что одеться.

Тетя Сима, сестра мамы, была бухгалтером, погибла в гетто Лепеля с двумя маленькими детьми, Любочкой и Мариночкой, в то время как их отец, Яков Сверлов — кадровый военный с июня 1941 года и до конца войны, все 5 лет воевал с фашистами.

Одной из маминих сестер, младшей, Людмиле, поступалось выучиться на учительницу. Тетю Людмиле фашисты повесили в родном местечке Романово, которое к тому времени называлось Ленино.

Семью Мирских кормил своим трудом единственный сын в семье Вельд, мой дядя Володя. Он был балалагой, занимался извозом.

И дядя Володя, и мой туберкулезный, с рязейкой большой бородичей, дед Лейба, и бабушка, мать моей мамы, погибли от рук фашистских палачей в местечковом гетто.

Из большущей семьи Мирских остались в живых лишь моя мама Гала Лейбовна и ее родная сестра.

По отцовской линии у нас тоже были многодетные семьи. У дедушки Шульда и бабушки Лен-Инеши было одиннадцать детей. Десять сыновей и дочь родили в любви и привя-

занности высокий, стройный, с типичным еврейским носом и большими широкими оттопыренными ушами дед Борух и его невысокая ростом, любящая спутница жизни, моя бабуля Лен-Инеша.

Девять братьев эмигрировали в 20-е годы в США. Они были хорошими портными, имели свои мастерские.

Я ношу имя Инееса в честь бабушки, мамы моего папы. Папа Мелах был единственным ребенком в семье. Он родился в 1903 году. Умер 15 лет назад, в 1985 году, в Витебске, где и похоронен рядом со своей женой Галей Лейбовной, и на памятнике их, черном, гранитном, увековечена память о моем безвременно погибшем братике Изаеке. Высечены на камне роза и нераспустившийся бутон, символ

было отдать родителям и не ждать указаний сверху. Только через несколько дней руководство пионерского лагеря спохватилось, и детей стали выводить из лагеря по лесным дорогам, пытаясь их спасти.

Я, пятнадцатилетняя девочка, рыдала вместе с мамой, когда увидела broadly шагающего по направлению к нам беспечного, улыбающегося папу. "Почему ты Изаеку не привез домой?" — выпрашивала удрученные от слез, понимающие, что произошло большущее горе, слова, упреки. "Галечка! Но ему же в лесу будет лучше", — пыталась успокоить маму отец. Папе было тогда только 38 лет, маме шел 31 год, но они тут же на моих глазах постарели на все десять лет.

Враг наступал семимильными шагами. Минск подвергался яростным налетам фашистской авиации. Мы жили рядом с вокзалом, немцы усиленно пытались

НАДЕЖДА УМИРАЕТ ПОСЛЕДНЕЙ

разбомбить Знарядный мост, изменивший стратегическое значение. Но советские зенитчики как могли отбивали атаки немецких истребителей.

Наш довоенный дом № 12 по улице Московской и по сей день стоит как память о довоенном Минске.

Только на третий день после объявления Великой Отечественной войны фабриком Минской швейной фабрики "Октябрь" дал грузовую открытую машину, чтобы рабочие смогли поехать в лагерь и забрать наконец-то детей домой.

Захватив минимум съестных припасов, заняв в узлы из простынь перья попавшие под руки вещи, одежду, не взирая ни одной фотографии из семейного альбома, мы покинули свою квартиру. Мама полосками бумаги крепками выкала стекла окон, чтобы они не выпали при бомбежке. Поправив половники на полу, от горя почти лишившись рассудка, она вместе с папой и мной покидали насиженное гнездо, где все было сделано ее умелыми руками. Об эвакуации никто не думал. Все стремились быстрее забрать своих детей из пионерлагеря, затем выкопать в лесу траншеи, отсидеться в них, пока

10-летнего мальчуга.

У каждого человека своя судьба. Мой братик был перенцем в семье. Он родился 19 ноября 1930 года. Маму очень беспокоило, что у новорожденного были мягкие, оттопыренные ушки. Мама пластырем приклеивала их к головке и шила узкие капорочки, заботясь о красоте растущего сыночка.

Не осуществилась мамина мечта увидеть сына взрослым, умным, красивым мужчиной. Мой братик был замучен фашистами в Минском гетто.

В солнечный воскресный день 22 июня 1941 года ребята, родители, воспитатели беззаботно, весело танцевали и пели в честь открытия пионерского лагеря. Родителей, приехавших к детям, руководство лагеря не поставило в известность, что немецко-фашистские орды перешли границу СССР. Детей надо

не окончится война, и вернуться к мирной жизни. Люди даже не могли подумать, что война затянется на четыре долгих года.

На машине мы ехали по узкобюджетным лесным дорогам, причём от низко летящих, на бросаемом полете, расстреливающих мирных жителей, фашистских стрелков.

Мы отъехали недалеко от Минска, когда нашу машину, под угрозы расстрела, остановила группа мужчин, одетых в форму советской милиции. "В каком направлении находится Минск и далеко ли до города?" — грубо спрашивали они водителя. Потом нас высадили и заставили шофера ехать назад в Минск. Скорее всего это были передовые в милейскую форму немецкие диверсанты.

Мы стали бродить по лесу, но оттуда нас выгнали военные, приказав женщинам сидеть белые большие шерстяные шапки с плеч, чтобы не быть мишенью для немецких самолетов.

И вот случайно мы вышли на полостанок, где остановился товарняк, "забитый" беженцами. Люди бежали за водой. А мы тем временем заехали в вагон. У мамы не пулись ни руки, ни ноги, как будто ее распяли. В глазах родителей была невыразимая боль и скорбь: потеряли десятилетний сыночек.

В товарняке было тесно, люди сидели, поджав ноги, и по очереди вытпигивали их для отдыха. А я просила куклу, хотела играть, и ее "свернули" из шарфа. Где-то под Тамбовом нас выгрузили из товарника и расселили по хатам, но, когда фашисты стали бомбить и эти места, посадили на открытые платформы с металлоломом, искореженными пушками, танками, самолетами, и повезли в Бухару. Просьбам, что там очень жарко, наша семья и еще несколько семейств высиделись в Самарканде.

Нашу семью приотила семья Умаровых. Хозяином был Шакир Умарович — узбек. Хозяйкой была донская казачка Мария Михайловна. Они вместе боролись с бандитами басмачей в годы становления советской власти. У них была красивая семилетняя доченька Саида, с которой мы стали подругами и пронесли эту дружбу через все долгие десятилетия нашей жизни до сего времени. Сейчас Саида на пенсии, долгие годы работала главным педиатром в Акдарье. Ее муж, Хожя Улутович Улутов, заслуженный работник здравоохранения республики Узбекистан, известный хирург. Их дочери, Лола и Гуля, тоже стали врачами, а сын Эркин и дочь Рано избрали своей профессией юристами.

Вот как вспоминает Саида Шакировна Улутова о тех далеких военных годах в одной из самаркандских газет.

"Беспредельно была удивлена, прочитав письмо из Белоруссии от Инес-

сы Михайловны. Конечно, не могла меня не тронуть благодарность, память спустя 50 лет. Я мысленно перенеслась в далекое прошлое. Начиная с 1941 года, когда мне было 7 лет. Начало войны. Через несколько месяцев в Самарканд стали привозить из Белоруссии и Украины и размещать почти во всех семьях, где была такая возможность, авиационных детей и взрослых. У нас был тогда большой дом с садом. И мы привили три семьи: Мюндрус, Шульд, Лернер.

Это были измученные люди. Их везли в товарных вагонах очень долго. Они были голодные и почти раздетые. Те вещи, которые смогли взять с собой из дома, были обменены по дороге на еду. Действительно, все, что ввез Инесса Михайловна, это правда. Мы дали им все необходимое: кровати, постель, одежду, еду. Помогли им всем, чем могли. У нас в саду было много фруктов, и они пользовались ими в неограниченном количестве. И все эти годы мы оставались добрыми друзьями. Семья Шульд: Михаил Борисович, тети Галя и их дочь Инесса жили у нас 4 года. С Инессой мы были близкими подругами. Мне было приятно узнать из ее письма, что она помнит все до мелочей о нашем военном детстве. Но и я тоже ничего не забыла. Когда началась война, у нее пропал без вести брат Изя, находившийся в то время в пионерском лагере. И нельзя забыть тех страданий Михаила Борисовича и тети Гали, которые они пережили. В августе 1944 года они уехали в город Красноводск, где дядя Миша был в трудовой армии. Перед их отъездом мы сфотографировались на память, и эту фотографию я сохранила до сих пор как реликвию.

Все эти семьи в те годы находились в очень тяжелом положении, но они не теряли таких качеств, как доброта, порядочность, уважение и были полны оптимизма".

В 1951 году мы решили вернуться в родной Минск, надеясь узнать, жив ли Изянька. Сначала поехали мы с мамой. Жили в частном доме по улице Танковой. Я через весь город ходила учиться в 9 класс в женскую школу им. Сталина. В ноябре 1951 года из Красноводска приехал наш папа. Ему в прописке отказали, нас с мамой тоже вписали из Минска, и милейский начальник дал приказ нашей семье в 24 часа выехать из города. Вечером этого же дня пришел к нам участковый милиционер, чтобы проверить, как мы выполним приказ. Собрав свои пожитки, мы ночью спрятались у доверенных знакомых. Утром я пошла в школу. Меня вызвали по географии, и я, плача, рассказала учительнице о том несчастье, которое постигло нашу семью и помешало выучить уроки. Я была очень прилежной и дисциплинированной уч-

ницей. Отмечалась скромностью среди своих одноклассниц — дочерей известных актеров, врачей, архитекторов.

Учительница, не считаясь со своим личным временем, осталась со мной после уроков. Я выучила географию и отдала тему на "5". Эту потерю мне и поставили в журнал и дневник. К сожалению, время вытпигило из моей памяти фамилию, имя, отчество этой замечательной учительницы географии и чуждо человека. Но пример ее любви и сочувствия к детям я восприняла всем своим сердцем и также с любовью, с искренним сочувствием относилась к своим ученикам все 40 лет своей работы в школах Витебска учителем математики и заместителем декана по воспитательной работе в Витебском государственном университете.

Наш папа умер в 1985 году, мама — в 1992 году, с незаживающей сердечной раной, так и не узнав о судьбе потерянного ребенка.

Инесса ЛУВШИЦ (ШУЛЬЦ).

На фото: Мейлах Шульд, Галя Шульд, Инесса Шульд и Саида Умарова; письмо, написанное Инессой Шульд отцу на фронт.